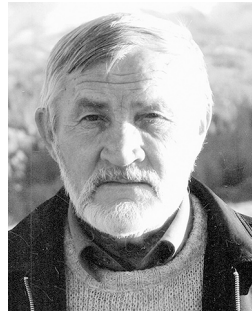

Климент Первушин

ВИКТОР, ДЫМКА И ДРУГИЕ

УСКОЛЬЗНУВШАЯ ДОБЫЧА

Дымка был тогда молодым, ещё неопытным псом, но, наблюдая за ним, Виктор чувствовал, что из него должен получиться хороший помощник для охотника. Они шли по недавно выпавшему снегу, на вершок припорошившему землю. Собака радостно бегала по невозможно белым полям, задевая за ветки акации и шиповника, стряхивала с них невесомые, как пух, облачка снежной пыли.

Серый рассвет становился всё светлее. Под обрывистым берегом журчала Левая Убинка, берущая начало далеко на севере, у Синюхина белка. Лёгкий морозец сковал берега кое-где черневших на болотах то ли луж, то ли мелких озёр. Еле заметный парок поднимался над перекатами негромко булькающей речки. На душе было чисто и светло от накрывшего распадки и горы предзимья.

Одуревший от свободы Дымка убежал далеко вперёд, обнюхивая и заглядывая под каждый подозрительный куст. И удача не обманула его. Внезапно навстречу выскочил и оторопело остановился такой же, видимо, молодой и неопытный зайчишка. Псу хватило секунды, чтоб схватить длинноухого за холку, тот отчаянно верещал и сопротивлялся, на снег вокруг летели комки снега вместе с клочками шерсти. Неизвестно, сколько бы продолжалась борьба, если б вдруг откуда-то сверху на них почти бесшумно не свалилось что-то огромное и, схватив зайца, унесло на высокий пенёк поблизости. Могучий беркут гордо оглядывался вокруг, сжимая в когтях судорожно дёргавшегося зверька.

Дымка с лаем бегал вокруг сломанного ветром дерева, на котором птица, не обращая внимания на пегую собаку, терзала принадлежащую теперь ей добычу. Услышав знакомый голос, Виктор подошёл к месту схватки. Сначала его взяла злость за обиженного пса, он поднял ружьё и долго целился, но потом опустил ствол и проговорил:

– Прости меня, царь-птица, за жадность мою, я и без зайчатины проживу, для тебя добыча важнее – ведь это твоя жизнь.

Охотник с собакой всё дальше уходили от терзавшего зайца беркута, хозяин успокаивал недовольно повизгивающего пса:

– Не унывай, Дымок, сколько у нас будет этих косоглазых, да не только их, а и колонков, и белок, и соболей, и другого зверя. Всё у нас впереди, собака!

А где-то далеко над остроконечными пиками Алтая вставало розовое солнце.

ЗАЯЦ-ОБМАНЩИК

Родившись у подножья горы Орёл, Пенный ключ, бурля и извиваясь, течёт несколько километров по пробитому им же руслу и впадает в Малую Убинку. Возле места слияния когда-то давным-давно стояло посёлье сплавщиков Пенное, сейчас же кроме заросших развалин там ничего не осталось.

Виктор с Дымкой приехали сюда со стороны Черемшанки по припорошенному снегом просёлку. Выбрав подходящее для стоянки место, закрыли автомобиль и пошли вверх по течению, переходя с одного берега на другой. Закраины ручья покрывал прозрачный ледок, с нижней стороны украшенный похожими на стекло голубыми сосульками. Кое-где длинные листья побуревшей осоки, свесившись в воду, наморозили на себя гирлянды ледяных бусин, которые так и просились леденцами в рот.

На охоте человек не замечает времени, особенно если преследует зверя. Перепрыгнув на левый берег, Виктор двинулся вверх по ручью рядом с небольшим яром, намытым водой за время существования этих гор и распадков. Дымка по руслу одного из ручейков выскочил наверх, к хвойной куртине, и скрылся в ней. По раздававшемуся вдалеке лаю хозяин понял, что гончая подняла зайца. Он не пошёл на звук погони, зная, что преследование всегда происходит по кругу и где-то недалеко пути их должны пересечься. Не торопясь шагал, слыша голос Дымки, то затихающий, то приближающийся. По времени собака должна была выгнать дичь на выстрел, но этого не происходило. После некоторого затишья вновь послышался удаляющийся лай. Охотник подумал, что первая попытка почему-то оказалась неудачной, и пёс стал преследовать беляка по второму кругу. Виктор сел под ствол ели в ожидании добычи. Через некоторое время совсем рядом он услышал звуки погони, но вдруг всё затихло, прошла пара минут, и вновь послышался удаляющийся Дымкин голос: тот гнал зайца на третий круг. Хозяин решил узнать, что стало причиной затянувшейся погони. Вскоре он увидел следы, уходившие в сторону обрыва возле ручья. Глядя с крутого берега, опытный следопыт по следам животных прочитал рассказ об умном зайце и молодом неопытном псе.

Вначале он не хотел верить в почти человеческую смышлённость зверя, но, ещё раз осмотрев гребень яра и берег Пенного, утвердился в догадке, несмотря на её фантастичность. Оказывается, длинноухий, доскакав до самого края обрыва, прыгал в сторону, а пёс, не заметив опасности, кубарем катился к воде и уже потом, выбравшись наверх, возобновлял погоню.

Обидевшись за своего верного друга, Виктор пробормотал:

– Два раза ты, косой, обманул моего верного товарища, а вот третий раз будет для тебя последним!

Спрятавшись за густым кустом боярышника, стал ждать Дымкиного обидчика. Вскоре в клубах снега появилась пара бегущих друг за другом животных. Разгорячённые бегом они ничего вокруг не замечали. Как и предполагал охотник, перед обрывом заяц круто свернул в сторону, а молодой пёс в третий раз свалился вниз.

На этом повороте и остановил хитреца выстрел.

– Ну вот, умник, и у тебя случаются промашки, – проворчал охотник, подняв за ноги крупного беляка перед собой (тот был действительно редким по красоте экземпляром), и поймал себя на мысли, что жалеет беднягу.

В это время вылезший из-под обрыва кобелёк виновато посмотрел Виктору в глаза. Тот потрепал собаку по загривку:

– Ничего, дружок, и на старуху бывает проруха, а ты у меня зверолов ещё неопытный, придёт время, научишься разгадывать и более сложные головоломки.

Побродив по долине ключа Пенного, пока не стало смеркаться, охотник с собакой стали спускаться вниз по течению, туда, где оставили автомобиль. Наверное охотничий бог решил, что одного умного зайца будет достаточно за проведённое среди гор и лесов время. Награда достойная, если учесть, что смышлённый косой навсегда запомнится следопыту и долго будет героем баек, что рассказывают у костра.

ЧЕРЕМШАНСКОЕ САФАРИ

Углоуха – одна из главных достопримечательностей села Черемшанки. Откуда бы ты ни въезжал сюда – со всех сторон видно её более чем на километр поднявшуюся ломано-гранёную вершину. В этом месте она ломает русло реки Ульбы почти под прямым углом, отсюда и такое название живописной горы. Черемшанка, говорит восточноказахстанский журналист Андрей Кратенко, известна как самая длинная деревня в мире. И действительно, поезда, которые идут здесь, делают целых три остановки. За это время торговки, подсаживающиеся в поезд, успевают продать по корзине пирожков с картошкой, калиной или колбой.

А для охотников близлежащие увалы и овраги становятся благословенным местом охоты на зайцев по вчерашнему снегу. Виктор с двумя друзьями и Дымкой, съехав с междугородной трассы, остановил в осиннике старенький «Москвич», открыл багажник, и пассажиры, разобрав ружья, надели на плечи рюкзаки.

Далеко внизу из труб сельских домов поднимались белые столбы, поэтому над долиной висела длинная и тонкая сизая полоса дыма. Снизу от незамёрзшей ещё реки поднимался еле заметный пар.

Друзья разошлись как можно дальше друг от друга по лощине и побрели, проваливаясь по колено в насыпанные вчера сугробы. Но зайцы, наверное, досматривали последние сны под мягким снежным одеялом. Натоптав по снегу несколько километров тропинок, охотники притомились. Бородатый голубоглазый горняк Фёдор, остановившись у ветвистого ствола вербы, призывно замахал остальным рукой. Остальные с желанием откликнулись на жест товарища, и вскоре под толстыми ветвями был вытопан круг, в центре которого загудел примус «Шмель». Сослуживец Виктора, невысокий черноглазый Иван, никогда не сидящий на одном месте, откуда-то принес пару толстых валежин, и поляна для утреннего чаепития была готова. Открыли рюкзаки, выложили на клеёнку припасы, к этому моменту чайник вскипел и над полем разлился запах свежезаваренного чая. Усевшись на стволы, приготовились к трапезе, но не тут-то было. Непоседливому Дымке захотелось обследовать сугроб возле растущего рядом куста татарской жимолости, и только охотники поднесли кружки к губам, как из-под снега выскочил заяц и, прыгнув над столом, ускакал в близлежащий овраг, следом за ним второй проделал тот же путь и умчался в снежные просторы. Гончая бросилась было вдогонку, но Виктор позвал её назад.

Ребята невозмутимо допили чай: куда торопиться, если добыча сама прыгает на стол. Не спеша убрали продукты и посуду в рюкзаки.

Виктор встал и, глядя на дрожащего от нетерпения кобеля, сказал:

– Ну, теперь твоя работа, Дымка. Вперёд!

Гончая помчалась по следу, оставленному одним из зайцев. Охотники снова растянулись цепью и пошли, ожидая, когда гончая выгонит зверя на самого ве-зучего из них.

Издалека слышался задорный лай собаки. Виктор на всякий случай взвел курки и следил за бугром, из-за которого услышал недавно голос Дымки. Заяц, как и положено, выскочил неожиданно, охотник, почти не целясь, выстрелил, и тот растянулся на снегу. Гончая в пылу погони бросилась, чтоб потрепать добычу, но, увидев подходившего хозяина, не стала этого делать. Тот положил тушку в рюкзак, снова послал своего любимца на поиски. Охота продолжалась.

Удачным был этот день на Черемшанских просторах. Без трофея не остался ни один из приехавших, а бородатый кержак Фёдор принёс в конце дня пару длинноухих зверьков. За что был удостоен поздравлений и шуточных подначек товарищей.

Весёлые и разговорчивые, добытчики вернулись к «Москвичу». Виктор смотрел на окружающие горы, освещённую заходящим солнцем Углоуху, и на душе у него было радостно от ощущения не даром прожитого дня, от знакомых с детства любимых пейзажей. Рядом стоял Дымка, и, казалось, он чувствует то же, что и хозяин, и все участники охоты.

Автомобиль выдержал крутой подъем на гору, называемую Козлушкой, и впереди показались остроконечные вершины могучего Ивановского хребта, у подножья которого вольготно расположился их родной город Риддер, где с нетерпением ждали добытчиков жёны, дети и внуки.

ВОЛКИ

Мне приходилось видеть этих хищников только в зоопарках, где они теряют ореол из легенд и рассказов, посвящённых близким родственникам хорошо знакомой нам собаки. Из ранних детских воспоминаний остался лишь леденящий кровь случай, поведанный бабушкой Матрёной. Дело было во время войны, когда в отсутствие охотников, ушедших на фронт, в округе, чувствуя свою безнаказанность, всюю хозяйничали волки. Их жертвой стал зоотехник, ехавший верхом из Попереченского колхоза на ферму, в Стрежнюю Яму. Мужчину хватились, когда в село прискакала окровавленная кобыла. Её ноги были изранены, видно было, что она чудом избежала участи своего седока.

Надеясь на невозможное, колхозники поехали искать пропавшего зоотехника. По следам они определили, как стая преследовала всадника, видно было, где он упал с лошади. Главное, что отложилось в детском моём уме из рассказа бабушки, это валенки с остатками конечностей, которые не смогли разорвать острые зубы волков.

После победы, словно почувствовав, что время их господства кончилось, хищники исчезли. Исходивший и изъездивший почти весь Западный Алтай, я

ни разу не встречал этих легендарных животных. Может, мне не везло, а может быть, и наоборот.

В начале зимы у моего троюродного брата Виктора от какой-то болезни сдохла тёлка. Приехавший в гости лесник Анатолий предложил увезти и оставить её труп туда, где больше всего лисьих следов, а рядом понаставить капканов. Так и сделали.

Пришло время проверять, попалась ли добыча. Посадив Дымку в коляску Виктор поехал на кордон. Во дворе увидел чем-то озабоченного друга.

– Старый дурак, послал пятилетнего внука проверять капканы! С одной стороны, полезно, пусть привыкает, с другой – вспомнил, что появились волки. Пришли вместе со стадом, пригнанным на мясокомбинат из Монголии.

В советское время город Лениногорск (теперь Риддер) славился не только свинцом, медью и цинком, выплавляемым здесь, но и крупным мясокомбинатом, поставлявшим продукцию по стране и на экспорт. В своё время, приехав на заработки на Колыму, мы предпочитали тушёнку, изготовленную в родном городе, любой другой, даже Семипалатинской. Своего мяса предприятию не хватало, поэтому руководство страны закупало скот в сопредельной республике. А стада коров и овец, в надежде на лёгкую добычу и невзирая на границы, сопровождали серые хищники.

Наконец пришёл внук Димка:

– Дед, там какие-то собаки бегают, я побоялся, не стал подходить.

Счастливый Анатолий обнял внука и увёл в дом. Он понял, что избежал большого несчастья: волк ведь не разбирается, на кого напасть – на взрослого или на ребёнка. Не верил он в сказки о волчицах, вскармливающих младенцев. Здесь, на стыке границ четырёх громадных стран: Казахстана, России, Китая и Монголии, занявших большую часть суперматерика по имени Евразия, и волки были не такие, как в карликовой Италии.

Зарядив ружья картечью и накрепко привязав на дворе кордона Дымку и хозяйского кобеля, охотники пошли по своим следам в надежде на скорую добычу. То, что они увидели, повергло их в уныние: от оставленной для привады тёлки остались рожки да ножки, разорваны и съедены были две лисицы, попавшие в капканы.

Волчьи следы уводили под круглые вершины Синюхина белка, в пихтачи и перелески, где найти хищников было сложно. Желая поквитаться с разбойниками, товарищи упорно торили лыжню, но те близко к себе не подпускали. Виктор насчитал на ночёвке восемь лёжек, такое количество хищников могло наделать много бед на территории лесничества. Весь день безуспешно искали они встречи, однако хитрые животные, показавшись вдалеке, тут же исчезали, заметив вооруженных людей.

Вожаком был крупный самец с густой шерстью красноватого оттенка, который будто бы издевался над преследователями. Уведя стаю подальше от опасности, он на расстоянии ружейного выстрела стоял на видном месте или бегал ленивой трусцой по увалам, морщинами изрезавшим заснеженную землю. Друзья даже придумали кличку своему недругу, назвав его – по месту рождения – Монголом.

Много километров натоптали они в тот день в поисках лесных санитаров (кто именно так называет грозу лесных обитателей), но удача будто забыла о них.

Уже на подходе к кордону друзья увидели знакомого охотника Петра, несшего на руках покусанного спаниеля.

– Кое-как отбил собаку, – пожаловался он, – стрелял несколько раз, но они как заговорённые!

Товарищи посочувствовали хозяину и пострадавшей собаке.

– Придётся делать облаву, – сказал Анатолий, – по-другому мы их не одолеем.

На этом они расстались.

В следующие выходные человек пятнадцать добровольцев собрались на кордоне, чтоб избавить свои охотничьи угодья от непрошенных гостей. Определившись по карте с загонщиками и теми, кто будет находиться в засаде, растянув, где положено, верёвки с флажками, разошлись по своим местам и вскоре на огромной территории долины Луговатой послышались крики и выстрелы, облава началась. После обеда дело было завершено. К сожалению, убито было всего два волка. Остальные прорвались через флажки и засады.

Как потом рассказывал охотовед, приезжавший к Анатолию из Поперечного, он видел красного волка во главе стаи, убегавшей в сторону перевала на Линейском белке. Значит, вожак увёл своих подопечных на родину, в монгольские степи. И правда, хищники больше не появлялись в наших местах, да и откуда им было взяться? Пришла перестройка, за ней развал страны, мясокомбинат обанкротили, скот перестали гонять через границу, и свирепые разбойники остались на привычных своих местах, изредка прореживая принадлежащие арагам стада, а иначе как им выжить, в этом жестоком мире?

РАСПЛАТА

Утром, работая на огороде, Виктор услышал, как у ворот остановился мотоцикл. Это подъехал на своём «Урале» лесник с Луговатой Анатолий Костанда, с которым они давно дружили. Поздоровались.

– Слушай, Виктор, у меня опять потерялся бык, ты случайно его не видел?

Месяц назад его товарищ уже терял непослушную скотину, и Красков принимал активное участие в его поисках, закончившихся удачно.

– Тебе помочь?

Он уже собрался идти заводить свой «ИЖ», но Толик остановил его:

– Да нет, сам попробую его отыскать, а если не найду, тогда попрошу твоей помощи.

Прошёл день, товарищ не появлялся, и Виктор подумал, что поиски бугая-трёхлетки закончились удачно.

Назавтра утром вновь раздался треск мотоцикла. Он вышел к воротам и увидел своего друга. Тот выглядел удручённым. Его рассказ заставил Виктора пережить всё случившееся с лесником в это утро.

– Борьку своего я вчера всё-таки нашёл, но лучше бы не искал его...

Пригнав быка на луг, где он всегда пасся, Анатолий решил наказать блудливую скотинку: забил в землю толстый лом и привязал бугая надёжной длинной верёвкой. Убедившись в крепости узлов, вернулся на кордон и пораньше лёг спать, чтоб завтра по темноте сходить на уток, что совершают перелёт из долины Луговатой в Шаравку и на Тишинское водохранилище.

Птицы почему-то в это утро не летели по маршруту, известному им с тех пор, как они поднялись на крыло. Стало светать, и Толик решил, что надо возвращаться домой. Проходя мимо стоящих рядом трёх берёз, услышал в кустах акации хруст и сопение. Сразу понял – рядом зверь серьёзный. Не стал рисковать: с утиной дробью на хищника не ходят. Потихоньку удалился от опасного зверя, а по пути пошёл проверить быка. Издалека заметил его отсутствие, а подойдя ближе, увидел оборванную верёвку, следы борьбы и кровь на земле.

– Удивился я – медведь на себе унёс здорового бугая к месту пиршества! Вот это силища! На сердце стало тяжело. Хотя и самовольный был Борька, а я к нему привык, да и урон хозяйству значительный. Пятьсот рублей – деньги большие, на них можно мотоцикл «Минск» купить или что-то другое, полезное для хозяйства.

Толик опустил голову с чёрными волнистыми волосами на руль «Урала».

– В общем так: я сейчас еду в охотсоюз за разрешением на отстрел разбойника, а ты приготовь ружьё и патроны с пулями.

Виктор осмотрел ижевскую вертикалку шестнадцатого калибра, зарядил жаканами патроны и стал ждать товарища.

Сказать, что он был взволнован, ничего не сказать. Его потряхивало, в голову лезли нехорошие мысли. Одно дело охотиться на зайца или глухаря, где ты хозяин положения, другое – идти на зверя, что может запросто заломать тебя.

К обеду вернулся лесник с лицензией. Виктор не стал говорить жене, куда они едут, пусть думает, за утками, а то и под мотоцикл может броситься. Приехав на кордон, они загрузили в люльку доски и жерди для будущего лабаза. Попили чаю с мёдом и поехали на место, где предстояла схватка с медведем. Осмотрели закрытую в кустах тушу несчастного животного: она находилась как раз под тремя стоящими треугольником берёзами. На нужной высоте соорудили настил, который был почти незаметен снизу. Чтоб легче было взбираться, прибили к одному из деревьев поперечные бруски. Поднявшись наверх, они осмотрели место, куда должен был ночью прийти зверь. Позиция была отличная, для хорошего стрелка не составляло труда попасть в его широкий череп.

Спустившись вниз, охотники ещё раз осмотрели место предстоящей схватки. Заметив состояние товарища, Толик подбодрил его:

– Держись, Витя, первый раз всегда бывает страшно, а потом привыкнешь!

– Да оно вроде бы и не страшно, но иногда озноб пробирает.

– Это-то и называется страхом. Пройдёт.

Остаток дня показался им невыносимо длинным.

В сумерках, в полной тишине, они пришли к белевшим на косогоре березам. Поднявшись на лабаз, удобно расположились на пихтовых досках, дурманно пахнущих живицей. Сверху крупными алмазами светили звёзды, а вдалеке еле заметным контуром светились белки.

Они не засекли время, когда после полуночи чуткий Виктор услышал внизу сопение и шорох раздвигаемых веток. Глаза друзей, привыкшие к темноте, рассмотрели внизу матёрого медведя, раскапывающего тушу быка. Толик, показав на ружьё, дал понять, что нужно стрелять. Выстрелы раздались почти одновременно. Медведь испуганно рявкнул и покатился под гору, ломая кустарник и молодые деревья. После недолгих хрипов и стонов всё затихло.

Хорошо, что ночи летом короткие, а то бы охотники извелись, дожидаясь наступления рассвета. Утро не заставило себя ждать. На востоке над Ивановским хребтом зарозовело небо. С каждой минутой всё чётче стали проступать очертания гор и окружающей природы.

Нужно было спускаться и смотреть, жив ли зверь. В голову лезли рассказы старых медвежатников о коварстве раненого зверя. А тут ещё Анатолий, поленившись встать, начал двустволкой снимать патронташ, повешенный на берёзовый сук. Тот долго не хотел подчиняться и от неловкого движения свалился куда-то вниз, в колючую акацию. Ситуация сложилась невесёлая, все заряженные пулями патроны лежали далеко в кустарнике, в ружьях оставались пустые гильзы.

Выругав себя, лесник обратился к Виктору:

– Ты оставайся здесь, а я пойду добывать патронташ, если что, хоть крикнешь, чтоб я убежал, – но тот стал спускаться следом.

Внизу они быстро нашли потерю, зарядили ружья и, выставив вперёд стволы, осторожно пошли вниз. Громадный медведь лежал на животе, подложив под голову передние лапы, в канаве от высохшего ручья. Издалека казалось, что зверь спит после трудного таёжного перехода.

Подойдя к туше, Костанда ткнул её стволами в бок, проверяя, жива ли добыча, но и без этого было ясно, что косолапому не придётся больше лакомиться сладкой говядиной, – достаточно было лишь взглянуть на изуродованный пулями череп. Борька был отомщён.

Не буду вдаваться в подробности технологии разделки медвежатины, скажу только одно: по-царски роскошная бурая шкура до сих пор висит у Анатолия над кроватью.

А Виктора с Дымкой нет-нет да и увидишь идущими по первому снегу на Луговатке или Чашино в поисках такой желанной дичи.

УДАЧНЫЙ ДЕНЬ

Дымка выскочил из конуры и заплясал вокруг Виктора на задних лапах. Собака чувствует, когда охотник собирается на промысел, ведь возвращение в родную стихию, откуда когда-то забрал её предков человек, это всегда праздник.

В темноте, перейдя по железному мосту ниже плотины через остатки речки Тихой, они по дороге, проложенной выше водохранилища, неторопливо двинулись к поросшему тальником берегу. Октябрьский снежок припорошил пожелтевшую траву, идти было легко и радостно. Из темноты, с поблескивающего водяного зеркала раздавалось кряканье селезней, а снизу слышалось гудение воды, уходящей под землёй сначала в тоннель под скалистой горкой, а после в десятикилометровую деривационную трубу, ведущую к Ульбинской ГЭС.

Когда-то, ещё до войны, по плану ГОЭЛРО здесь началась грандиозная стройка. Посёлок Риддерский в 1932 году получил статус города, но за четыре года до этого в районе решено было построить каскад ГЭС, который должен был снабжать электричеством здешние заводы и фабрики, а также предприятия Усть-Каменогорска и области.

Главным объектом каскада была плотина Малоульбинского водохранилища, строившегося на высоте 1612 метров над уровнем моря. Она регулировала на-

полнение основного стока по реке Громатухе, где планировалось возвести четыре гидроэлектростанции.

На строительстве Ульбинской ГЭС работал дед Виктора – Максим Филиппович Шестаков, после раскулачивания и четырёхлетнего срока в КарЛаге завербовавшийся на стройку и переехавший сюда с семьёй и родственниками из Зыряновского района. Он трудился на сооружении отводного (деривационного) водовода кузнецом. Ветераны рассказывали, как ловко дед в одиночку справлялся с бандажом, скреплявшим листовенничную клёпку трубы диаметром 3,5 метра. Однажды в местной газете была опубликована фотография, где «полупорка» спокойно въезжала в её деревянный водовод. По следам деда перебрались сюда после войны родители Виктора Фёдор Логинович и Ефросинья Васильевна Красковы, здесь и появился на свет герой этих рассказов.

Оторвавшись от воспоминаний, охотник сквозь ветви тальника увидел стайку плавающих уток. Неслышно подобрался на расстояние выстрела и подбил крупного селезня, захлопавшего в темноте крыльями о воду. Попробовал натравить на птицу Дымку, но гончая, приученная к поиску сухопутной дичи, с удивлением смотрела на хозяина и ни в какую не хотела лезть в воду, а сам охотник в темноте не заметил, где птица затаилась. Прибрежные заросли надёжно скрыли подранка.

Смирившись с потерей, звероловы пошли дальше, к подножью окружающей впадины Чашино гряде скалистых вершин, которые отделяют Риддерскую долину от Убинского хребта с наивысшей его точкой Синюхой, круглая вершина которой почти на две тысячи метров возвышается с северо-запада над окрестностями города.

Восток начал светлеть, и, поднимаясь на косогор, поросший высокими берёзами, Виктор увидел на дереве косача, склёвывающего с веток почки и оставшиеся с осени серёжки. Сняв с плеча ружьё, он взвёл курки и стал красться к ничего не подозревающей добыче. Когда пришло время стрелять, на землю возле берёзы, шумно хлопая крыльями, сел второй тетерев, первый, увидев товарища, тоже слетел вниз и стал прохаживаться рядом. Охотник не мог упустить такого случая, грохнул дуллет, и обе птицы распластались на припорошенной снегом траве.

Положив красноглазых лирохвостов в рюкзак, стрелок решил возвращаться домой. Два чёрных красноглазых петушка были достойной добычей.

Поднявшееся над вершинами Ивановского белка солнце слепило глаза, но, несмотря на это, когда верная гончая неожиданно выгнала на выстрел полностью вылинявшего зайца-беляка, Виктор подстрелил и его.

По всем правилам, фарт на этом должен был закончиться, но мысль о чём-то незавершенном не давала покоя беспокойной душе добытчика. Наконец он понял, что дело в найденном поутру селезне.

Спустившись к водохранилищу, они с Дымкой обследовали заросший красноталом берег и увидели на мелководье качающуюся на волнах утку с фиолетово-серебристыми крыльями. Пришлось хозяину, засучив штаны, лезть в ледяную воду и доставать птицу.

Возвращались домой той же дорогой над водозабором и плотиной. Вдали за Круглой сопкой курились трубы металлургических предприятий. Виктор опять вспомнил своего деда Максима, благодаря которому его родственники перебрались в этот город горняков и металлургов и живут здесь, народив детей, внуков и правнуков. Теперь, наверное, не сосчитать, сколько родственников со старо-

обрядческими корнями обитают под острыми вершинами Ивановского хребта, одного из самых высоких на Алтае.

Дымка бежал рядом и иногда, опередив хозяина, заглядывал ему в глаза, будто спрашивая, доволен ли он прошедшим днём.

Конечно, он был счастлив, гордо выгрузив на кухонный стол разнообразную добычу. Особенно его обрадовали слова тёщи.

– Ну, ты, Виктор, как будто не на охоту, а в магазин ходишь, – сказала она ощипывая косача и ласково глядя на зятя.

– По-всякому случается, Антонина Павловна. Бывает и по-другому, весь день ноги бьёшь, а результата никакого, охота, она девушка непредсказуемая.

– Не гневи судьбу, зятёк, пока удача помогает тебе, и будем надеяться, что она долго останется в твоих подругах.

– Дай-то Бог, мама, чтоб всё было так, как вы пожелали.

Было это в далёкие семидесятые прошлого века, когда Виктору не было и тридцати, а Дымка был первой гончей, с которой он учился азам охотничьего ремесла. Всем собакам, что были у него потом, он давал кличку своего первого, самого любимого пса.

ПЛУТОВКИН ПОДАРОК

Новогодняя сказка

Тонкий месяц слабо освещал окрестности, когда они взобрались на водораздел между речками Луговатой и Бутачихой. Снег почти неслышно шуршал под камусом старых, но вполне надёжных лыж. Послезавтра Новый год, думал Виктор, и неплохо бы было подарить жене шкурку соболя или лисицы. И тут же осадил себя: нельзя вот так перед охотой загадывать желание, иначе отпугнёшь предназначенную тебе удачу.

И тут Дымка неожиданно резко сорвался с места, убежав в сторону темневшего ельника, откуда послышался его призывный лай. Охотник определил, что собака взяла след лисицы. Он не спеша скользил на звук удалявшегося лая, уверенный в своей гончей, которая должна была выгнать зверя на хозяина.

Постепенно природа стала всё чётче проявляться на фоне светлеющего востока. Виктор любил это время, когда горы становятся по-настоящему высокими, прорисовываются их вершины, словно гигантская синусоида между палевым верхом и тёмным низом. В такие минуты чувствуется всё величие мироздания, его всеисилие, бесконечность и твоё родство со всем этим сказочным миром.

Звуки гона приближались. И вот на поляну перед охотником в лучах восходящего солнца выскочила огненно-красная лисица. Он не верил своим глазам – в здешних краях такие экземпляры считаются редкостью, их привычным местом обитания является крайний северо-восток Азии и Камчатка. Казалось, животное рассыпало за собой рубиновые кристаллы, которые таяли на оранжевом снегу. От такого великолепия у Виктора зарябило в глазах, и грохнувший выстрел оказался неудачным. Испуганная лиса, как ракета из новогоднего фейерверка, разбрызгивая сверкающие искры, несколько раз подпрыгнула вверх, переворачиваясь в воздухе, и умчалась вдаль. Всё это было проделано с

такой грациозностью, что сказочным телодвижениям позавидовала бы любая гимнастка. Охотник не раз любовался, как эти хищницы выслеживают и ловят мышей, как они изящно подпрыгивают и зарываются в снег в поисках добычи, но мышкование казалось слабым подражанием того представления, что недавно устроила огненная бестия.

Поражённый увиденным, он спокойно скользил по следам своей гончей, которая гнала добычу где-то далеко впереди. Вскоре лай ненадолго прекратился, а потом зазвучал как-то растерянно. Озадаченный Виктор побежал быстрее и минут через десять увидел своего верного друга у корней поваленной ветром осины, тот лаял, заглядывая в нору навсегда исчезнувшей лисицы.

По опыту охотник знал, как непросто, а чаще невозможно добыть из-под земли умного зверя, который наверняка сделал второй выход из своего убежища, но его попробуй-ка отыскать. Возможно, огнёвка давно уже бежит вон за тем пихтовым косогором и смеётся над неудачниками.

Следопыт присел на упавшее дерево и подумал: «Скорее всего, лисью шкурку жена нынче под Новый год не получит, придётся покупать подарок в магазине. Жаль, конечно, но таков он, охотничий фарт: сегодня ты с добычей, а завтра – хоть расшибись, не спешит зверь на выстрел». Прервал размышления Дымка, положивший голову ему на колени. Машинально погладив собаку по голове, Виктор заметил в пасти пса, что-то похожее на отливающее рубинами ожерелье. Оно завораживающе светилось неестественным огнём, исходящим откуда-то изнутри кристаллов. Виктор положил находку в меховую рукавицу, и её внутренность затлела пурпурно-фиолетовыми искорками, от которых шло еле заметное тепло. И тут его осенило – ведь это был подарок огненно-красной лисицы за то, что его промах сохранил ей жизнь.

Хозяин и собака возвращались домой по лыжне, проложенной на рассвете. Подойдя к питомнику с деревьями, выращенными к Новому году, охотник срубил небольшую красивую ёлочку, заранее присмотренную и купленную у лесника. Они пришли в свой дом у соснового леса, взволнованные предчувствием наступающего самого лирического праздника в году.

Жена, выйдя в сени и взглянув на пустой рюкзак мужа, проговорила:

– Слава Богу, сами живы и здоровы, а добыча в следующий раз обязательно будет.

– Ну это как сказать, Люба, – с хитрой улыбкой загадочно проговорил уставший Виктор.

На следующее утро он первым делом вынул из рукавицы ожерелье, но его страхи оказались напрасными: оно так же, как и вчера, светилось изнутри волшебным рубиновым светом. Спрятав подарок в рукавицу, занялся хозяйством. Убрав в стойке, принёс сена и напоил корову, покормил собаку, радостно заплясавшую возле будки.

В своём доме всегда находится какая-то работа. То одно ломается, то другое выходит из строя. Управившись со всеми делами, после обеда хозяин занялся ёлкой. Принёс крестовину, дерево, от которого в комнате сразу запахло хвоей, – и вскоре в красном углу заняла своё место полуметровая лесная красавица.

– Вечером придут внуки, – сказала Люба, – пусть наряжают!

Зимой в наших краях смеркается рано. Пришедшие дети были веселы после школьного утренника и подарков Деда Мороза. Они принесли коробку с игруш-

ками, серебрящимся дождём, прочей новогодней мишурой и со смехом стали украшать ёлку.

Дед с бабусей занялись сервировкой стола, и к приходу гостей новогодний стол ломился от шампанского, домашнего вина, маринованных груздей, солёных арбузов и прочих вкусностей, на которые в праздник не скупится русская душа.

Перед боем курантов все стали обмениваться подарками. Вот тут-то Виктор и представил собравшимся, коротко рассказав историю, гостинец лесной красавицы и водрузил его на шею жены.

Гости с восхищением смотрели на сияющие всеми оттенками пурпура кристаллы, счастливая Люба, глядя на пришедших, произнесла:

– Как-то неудобно мне становится, не я ведь героиня торжества, а вот эта зелёная принцесса. – И хозяйка, встав из-за стола, сняла с себя ожерелье и повесила на ёлку, которая загорелась тёплым пламенем драгоценных кристаллов.

В это время из телевизора раздался бой курантов, оповещавший всех о начале нового года, который какому-то счастливчику принесёт рыжую лисицу с рубиновым ожерельем. Но главное, чтоб подарил он нам всем здоровье и счастье.

НЕПРАВИЛЬНАЯ ГОНЧАЯ

Бимка был одним из первых щенков, появившихся у Виктора, когда он жил ещё в пятиэтажке. Назвали его так дети, посмотревшие недавно кинофильм «Белый Бим чёрное ухо».

Однажды товарищ по охотничьим делам из села Бутаково Михаил привёз ему двух недавно родившихся щенков породы русская гончая.

– Мне нужно на некоторое время уехать к больной матери, – сказал он. – Не хочу, чтоб малыши попали в чужие руки. Собаки породистые, будет жалко, если воспитают не так. Тебя я давно знаю, поэтому прими этих милых животных. Одного кобелька возьми себе, второго подарить кому-нибудь. Знаю, плохому человеку собаку ты не отдашь. Не хочется, чтоб охотник превратился в дворняжку.

Сказав эти слова, он сел на мотоцикл и уехал.

Нельзя сказать, что Виктор очень обрадовался неожиданному прибавлению в хозяйстве, на весну у него были другие планы, но не будешь ведь от подарка отказываться. До тепла щенки жили в доме, пока одного из них не забрал знакомый охотник.

Неподалеку от микрорайона предприимчивые жители, привыкшие в частных домах к лучку, редиске и другой зелени, разбили на участки пустующую землю и вскоре на пригорке возникли заборы, постройки и всё, что необходимо для ведения приусадебного хозяйства.

Был и у Виктора с Любой свой «надел» с грядками и сарайчиком для садового инвентаря. Там-то и поселили щенка, соорудив просторную и тёплую конуру. А чтоб не убежал, посадили Бимку на лёгкую, но прочную цепь.

Приходя на хозяйство, Красков мечтал, как пойдут они с псом на виднеющееся вдаль водохранилище, и тот после очередного выстрела бросившись в воду, будет приносить к ногам хозяина подбитую утку или гуся.

Но его замыслам помешала неожиданная командировка в Зырянск, продолвшаяся почти целое лето. Всё, начиная от рождения, взросления и старости человека или животного, от чередования времён года до вспыхивания и угасания звёзд, подчинено заданному порядку. И если что-то выпадет из этой цепочки, течение жизни идёт по иному пути. Как говорили наши деды: ребёнка нужно воспитывать, когда он умещается поперёк лавки, потом будет поздно. Так случилось и с Бимкой, оставшимся без хозяина. Из гончей, если пропустить в определённом возрасте её обучение, не получится настоящего охотника. Поэтому и стал молодой пёс домашней собакой, равнодушной к охоте.

Виктор не находил себе места в чужом горняцком городе, размышляя о непредсказуемости судьбы, но всё-таки надеялся, что всё как-то наладится. Единственное, что радовало его, это редкие встречи с родственниками, которые после коллективизации разъехались из деревни Черновой по городам и сёлам Восточного Казахстана, России и Китая. В Зырянске и окрестностях тоже проживали представители большой староверческой родни, которых Виктор, конечно же, навестил.

Особенно запомнились ему старики Серафима и Анатолий из посёлка Прибрежный на берегу Бухтарминского водохранилища. Они радушно встретили нежданного гостя, угощали вареньями и разносолами, наливками и настойками, приготовленными хозяйкой, – всем, чем богата щедрая алтайская земля. За столом показывали цветные фотографии и письма от брата и племянников из далекой Бразилии, приглашавших в гости.

Когда-то коллективизация разлучила брата и сестру Рыжковых. Лаврентий вместе с дедом и многими другими родственниками вынужден был уехать в Китай, а Серафима осталась здесь, в Фыкалке, выросла в детдоме, испытала все прелести сиротской жизни, но осталась весёлой и жизнерадостной. На переломе жизни вышла замуж за Анатолия, всю жизнь проработавшего речником на Иртыше и водохранилищах, что возвели для работы Усть-Каменогорской и Бухтарминской ГЭС. Изредка получают письма из Южной Америки, где живёт Лаврентий с детьми, брат приглашает родственников в гости, но в то время это было невозможно. Думы о жаркой стране и родственниках навсегда захватили мечтательную Серафиму.

Забегая вперёд, отмечу, что мечту свою они осуществили и теперь живут в Бразилии, штат Мату-Гроссу в деревне Прима Вера-до-Лесте, основанной и населённой потомками алтайских староверов.

А Бимка в это время самостоятельно обучался премудростям жизни. На участке хозяева развели кур, и собака ревностно охраняла их от посягательств соседских петухов и бродячих собак. Особенно не любил он ворон, часто садившихся на высокие столбы ограды, и заходился в лае, пока ненавистная птица не улетала, шумно хлопая чёрными крыльями.

Однажды Люба потеряла курицу. Она понимала, что та где-то сделала кладку и теперь сидит на яйцах, выпаривая цыплят. Но сколько ни искала, не могла найти гнезда, пока не заметила однажды пропавшую птицу, выскочившую из Бимкиной конуры. Стало понятно, где высиживает цыплят исчезнувшая несушка.

Пришло время и однажды квочка гордо вывела на свет десяток пушистых жёлтых комочков. Люба с интересом наблюдала, как молодой пёс, положив го-

лову на лапы, смотрел на цыплят, которые, подражая матери, разгребали землю и склёвывали оттуда что-то невидимое. И не дай бог ворона или сорока садилась на забор, – Бимка не успокаивался до тех пор, пока хищница нехотя не улетала. Однажды собака едва не схватила спикировавшего на стайку цыплят коршуна, который с недовольным писком улетел искать более лёгкую добычу.

Как-то знакомые мальчишки, увидев гончую, обратились к хозяйке:

– Тётя Люба, сегодня наша очередь пасти коров, дайте нам Бимку в помощники.

Та, посомневавшись, разрешила, и с тех пор пёс стал пастухом для стада из частных домов района. Как они потом рассказывали, от него не могли уйти самые блудливые коровы и телята. Отыскав пропажу, он с лаем возвращал скотину в кормящееся на пригорке стадо.

Хозяева бурёнок, которым выпадала очередь гнать на выпас скотину, любили смышлёную собаку, ведь благодаря ей их дневной путь на много километров сокращался. Лёгкие ноги гончей уносили её то вперёд, то назад от беспокойного коровьего сообщества.

Так проходило Бимкино лето то на огороде, меж грядок с луком и морковкой, то на зелёных берегах водохранилища рядом с людьми и коровами.

Виктор вернулся из Зырянска только к открытию охотничьего сезона. Увидев Бимку, он поразился переменам, произошедшим с собакой: перед ним предстала красивая взрослая гончая рыжей с белыми пятнами масти. Теперь предстояло проверить, чего она стоит в охотничьем деле.

После командировки Красков получил очередной отпуск, и вот они с псом, который благодаря своему окрасу был почти незаметен в разноцветном осеннем лесу, направились в сторону долины речки Луговатой. У её истоков, на склоне Синюхи находилась давно знакомая избушка, в которой Виктор не раз делил кров и ночлег с друзьями охотниками.

Выше посёлка Лесхоз переправились на другую сторону спокойной и мелкой в это время года Тихой. В одном из многочисленных заливчиков Виктор увидел стайку уток. Незаметно подкравшись, он выстрелил, и птицы со свистом улетели прочь, оставив на воде сизокрылого селезня.

Подозвав Бимку, он показал на добычу:

– Принеси!

Однако пёс равнодушно отвернулся и лёг на берегу, наблюдая, как хозяин, сняв сапоги и засучив брюки, побрёл за селезнем. Благо день был тёплым, а глубина небольшой. Вернувшись к собаке, он поднёс птицу к Бимкиному носу, надеясь, что инстинкт заставит его вспомнить тысячелетние охотничьи навыки. Но все попытки оказались напрасными. Красков понял, что рассказы о раннем натаскивании гончей были не досужими вымыслами.

Горько вздохнув, он поглядел на щемящую душу красоту увядающего осеннего леса, на припорошенную первым снегом вершину могучей горы Синюхи, похожую на лежащего медведя, и, свистнув собаку, зашагал к намеченной цели. Под подошвами хрустели сухие стебли иван-чая, аконитов, вороньего глаза и других трав с неизвестными охотнику названиями.

«Ну что ж, – успокаивал Виктор себя, – значит, не судьба была Бимке стать настоящей охотничьей гончей. Пусть будет просто верным спутником в охотничьих походах по родным просторам. Да мало ли занятий можно найти для умной

красивой собаки! Вон сын с дочкой подрастают, пусть с детства привыкают к общению с братьями нашими меньшими».

Всё выше поднимался Красков меж пихтачей, осинников и березняков к избушке, затерянной в кедровом ущелье, а рядом носилась меж деревьев и кустов рыжая с белыми пятнами собака.

ЗОВ РОДИНЫ

На кордоне у Анатолия Костанды жил конь Савраска преклонного возраста. Настоящий одёр лет двадцати пяти, негодный для работы, но требующий кормления и мало-мальского ухода. Толку от него было мало, поэтому хозяин решил обменять его на молодого и сильного жеребца.

В семидесятые – восьмидесятые годы прошлого столетия в Лениногорске работал большой мясокомбинат, снабжавший тушёнкой весь Советский Союз. Для заполнения мощностей предприятия своего скота не хватало, приходилось закупать коров и овец в соседней Монголии, чтобы перегонять их по горным тропам в наш город.

Проведав однажды, что пастухи, пригнав стадо, сдают своих коней вместе с остальным скотом на мясо, лесник решил поменять отечественного Савраску на заграничного Карьку. Он назвал его так, как только впервые увидел. Начальство лесхоза было не против выгодной сделки, и Анатолий за пару литров жидкой валюты договорился с гуртовщиком об обмене. Сделка свершилась, и вскоре он, довольный, рысил домой на коренастом невысоком жеребце.

Заехавший на кордон Виктор, осмотрев коня, поделился с другом своим впечатлением:

– Всем хорош, вот только ростом маловат.

– Силы-то у него от этого не убавилось, ты посмотри, какие у него мощные ноги и копыта, нет, я доволен лошадкой, – лесник ласково погладил Карьку по коричневому крупу.

– Посмотрим, каков он в работе, надеюсь, всё будет хорошо.

Виктор был рад за своего товарища и его удачное приобретение. Усевшись на сиденье своего самосвала, он повёл машину в сторону дымившего высокими трубами города. В дороге водитель размышлял о том, что монгольские кони, видимо, ближе по родству к лошади Пржевальского, поэтому не удались ростом.

А монгольская лошадь привыкала к новым условиям жизни. Её страшили высокие горы, окружающие долину, а когда приходилось по каким-то надобностям выезжать с кордона, пугали тарахтящие и гудящие автомобили, на бешеной скорости проносившиеся по дороге. Такие поездки всегда оставались в её памяти как что-то неприятное и нежеланное.

Кончилась первая Карькина зима на новом месте и у нового хозяина, который не мог знать, что творится в голове коня, какие желания будоражат его кровь. А коню с приходом весны каждую ночь снилась холмистая, покрытая цветами, зелёная монгольская степь. Там скачут несметные табуны похожих на него коней, и, открыв глаза, он ржал в надежде услышать ответное ржание, которое привык слышать с самых ранних лет. Но рядом в стойле жевал сено спокойный мерин, которому ни до чего не было дела.

Начали распускаться первые лаковые листья на берёзах, на пригорках проклюнулась изумрудная щетинка молодой травы. Казалось, в такие тёплые и ясные дни не может случиться ничего плохого. Но однажды в субботу к Красковым позвонил взволнованный Анатолий и с порога заговорил:

– У тебя мотоцикл на ходу? Собирайся, нужна твоя помощь. Сбежал Карька, да не один – прихватил с собой кобылу с жеребёнком. Видно, собрался на историческую родину. На двух мотоциклах нам легче будет его поймать.

Виктор, не говоря ни слова, стал собираться в гараж и вскоре, прихватив ещё одного помощника, егеря Петра, они ехали по разбитой лесовозной дороге к границе Алтайского края.

Справа высились могучие пики Ивановского хребта, слева вдали голубели ажурные вершины Линейского белка с пронзившим облака, похожим на стоящего человека утёсом под названием Мужик. Но друзьям было не до созерцания окружающих красот. Ручьи и реки превратились в бурлящие потоки, которые мотоциклы с трудом преодолевали. Показались три каменные пирамиды – «Мясные Вилы». В долине под ними гремела Белая Уба, а справа в неё впадала речка Разливанка, которая весной вполне оправдывала своё название. Она с шумом несла воды тающих на солнце снегов, перегородив дорогу мотоциклистам – дальше проехать было невозможно.

Костанда совсем уже было отчаялся, когда егерь заметил выше по течению рыжую кобылу с жеребёнком, а на противоположном берегу – виновника всего этого переполоха. Тот призывно ржал и бегал по отмели, но лошади боялись войти в ревущую реку.

Недолго думая, Пётр подошёл кобыле и, взвнуздав, повел по дороге в сторону города. Беглец, ещё немного поржав, вынужден был переправляться обратно. Страшно было наблюдать, как Карька скачками преодолевал Разливанку, волны которой иногда перехлестывали через его хребет. Но возвращение прошло благополучно, и вскоре лесник засёдлывал строптивного жеребца.

– У таких лошадей удила должны всегда находиться во рту, – объяснял егерь спутникам. – Благодаря этому они как бы чувствуют связь с хозяином, а если их разнудать, вполне возможно потерять животное, которое убежит к старому хозяину, как бы далеко он ни находился. Долгое время понадобится, чтобы лошадь окончательно привыкла к человеку и новому месту.

Небольшой караван из двух мотоциклов и Анатолия, ехавшего верхом на Карьке и ведущего в поводу рыжую кобылу с семенящим за ней жеребёнком, к вечеру добрался до кордона на Луговатой.

Прошло лето. Костанда не мог нарадоваться на своего помощника. Карька безотказно трудился на сенокосе, подвозке дров к кордону, на других работах, которыми богато любое хозяйство и в деревне, и на лесной деляне. Может быть, иногда он замечал тоску в его взгляде, но не придавал этому большого значения.

Выпал первый снег, потом растаял, после снова насыпал полуметровые сугробы. Небольшие морозы сковали дороги Западного Алтая. Кони и коровы были поставлены в тёплые сараи, где не кончалось вкусное сено. Лишь на водопой хозяева водили скот к незамёрзшей еще речке, что протекала рядом с кордоном.

Тогда-то и забыл наказ егеря Петра лесник Анатолий и стал гонять Карьку на водопой невзвезданным. И однажды он не поверил своим глазам, когда монголь-

ский жеребец резко взбрыкнув, отбежал от водопоя и ускакал в сторону розовых от закатного солнца белков.

В надежде догнать беглеца хозяин вывел из-под навеса мотоцикл и поехал искать сбежавшую лошадь. Лесовозная дорога за городом была непроходима для двухколёсного транспорта. В ноябрьской слякоти застревали даже МАЗы, что возили заготовленные брёвна с делян лесоучастков. К тому же началась метель, и поиски пришлось отложить до лучших дней.

По дороге он завернул к Краскову. Товарищ искренне посочувствовал Анатолию, но исправить положение было уже невозможно. Они вспомнили, что выносливые монгольские лошади могут обходиться без сена, тебенюя (вырывая) из-под снега траву и питаясь ею до самой весны. Так что Карька вполне может добраться до родины живой и здоровый.

А в это время приземистый жеребец бежал по неглубокому снегу в сторону границы с Республикой Алтай. Родина звала его, и он был готов на любые невзгоды, лишь бы вернуться в степи, где его выносила похожая на него кобыла, где он вырос среди таких же сильных, с густой шерстью, длинными гривами и хвостами коней, приходящимися ему близкими родственниками.

Последнюю весть о сбежавшем Карьке они услышали от вертолётчика, обслуживавшего в ту осень геологические партии в окрестностях хребта Холзун. Пролетая там, он видел однажды в одном из ущелий тёмную лошадь, рысившую к заснеженному перевалу. Больше никаких сведений о нём не поступало.

